

Юлия Шумова



К цели  
по сиренам

Юлия Шумова

**К цели по серпантину**

«Издательские решения»

## **Шумова Ю. В.**

К цели по серпантину / Ю. В. Шумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966276-7

Изначально эта работа задумывалась как дневники незрячего ученого, юриста и общественного деятеля, предназначенные для семейного архива. Однако по просьбе друзей и близких преобразована в книгу. Вниманию читателя предлагается история, основанная на реальных событиях. Судьба автора похожа на приключенческий роман, извилистый серпантин, ведущий к цели: не упасть на очередном вираже, помочь другим поверить в себя и полюбить жизнь такой, какая она есть, несмотря ни на что.

ISBN 978-5-44-966276-7

© Шумова Ю. В.  
© Издательские решения

# Содержание

Глава 1. Эхо трагедии	6
Глава 2. Неизбежность	9
Глава 3. Визитеры	13
Глава 4. Флагманы российской офтальмологии	17
Глава 5. В интернате	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

# **К цели по серпантину**

**Юлия Владимировна Шумова**

*Редактор* Маргарита Дмитриевна Мельникова

*Дизайнер обложки* Федот Федорович Суриков

*Корректор* Александр Владимирович Шумов

© Юлия Владимировна Шумова, 2019

© Федот Федорович Суриков, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6276-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Глава 1. Эхо трагедии

Отец молчит и нервно курит. Дым ветром относит в мою сторону, однако папа этого не замечает. Он о чем-то глубоко задумался и время от времени насвистывает знакомую песенку.

Мама выходит из себя и начинает давать ему последние наставления и высказывать упреки. Временами она всхлипывает, а то и вовсе плачет:

– До смерти не хочется мыкать горе по чужой стороне с больным ребенком на руках, а тебе всё нипочем.

Отец игнорирует её причитания и говорит что-то успокаивающее.

Когда поезд остановится, папа подсадит меня в первый попавшийся вагон и поможет матери вскарабкаться на высокую подножку. Искать свой вагон – совершенно нет времени, поезд на таких глухих полустанках стоит всего одну-две минуты. Сонная проводница поднимет подножку, захлопнет дверь, и оставшийся на перроне отец – живое воплощение дома, спокойствия и беззаботного веселья – еще долго будет мерещиться мне за окном.

Мне отчаянно хочется вцепиться в рукав его куртки и закричать, что есть мочи: «Я хочу домой! Пожалуйста, папка, папочка родной, забери меня домой! Я не хочу никуда ехать! Там мама часто плачет и нервничает!» Но поезд уже равнодушно стучит по рельсам, унося нас от привычного домашнего уюта.

Надо, значит надо. Уверена, что мама тоже мечтает спрыгнуть на перрон и бежать, бежать, бежать! Пешком по снегу, не разбирая дороги, только бы забыться и почувствовать себя свободной! Свободной от внезапно свалившегося на нас горя. Свободной от необходимости тащить на себе больного ребенка, который стремительно теряет зрение, и никто, даже именитые московские доктора, не в силах остановить процесс надвигающейся темноты.

Родители были упрямы в борьбе за сохранение моего зрения, даже где-то одержимы этим. Мама часто выходила из себя и плохо контролировала свои эмоции.

Но я, пятилетняя девочка, делала долгие переходы по суетливой Москве совершенно безмолвно. Никогда не жаловалась на голод или усталость. Я как стойкий солдатик часами стояла, сидела на корточках или спала, облокотившись на мягкую сумочку мамы. Каждый день мы долгие часы простаивали в интернациональных очередях в процедурные кабинеты, а после – в кабинеты к докторам – и слушали их равнодушную монотонную речь о том, что я всё равно ослепну. Диагноз редкий, один на тысячу. Мама отчаянно рыдала и упорно стояла на своем:

– Она будет видеть!!! Я вам не верю, ясно!?! Я найду способ помочь своему ребенку!

А потом снова двухчасовой путь назад в гостиницу. Всё время на ногах, в безжалостной одуревшей толпе, которая несется, толкает и отшвыривает, как будто не замечая маленькую девочку с синими кругами под глазами и растерзанную отчаявшуюся женщину.

Иногда с нами ездил папа и дядя Витя. Они много шутили, балагурили, и мама в их присутствии была намного веселее и спокойнее. Мы проходили все те же пути адской московской жизни, вливались в бурный поток метро, по пять часов ожидали своей очереди в процедурный кабинет. Обречённо подставляли голову под град грубостей и ханжеских замечаний медицинского персонала. В дождь и снег мы подолгу стояли на автобусных остановках. Однако под смех папы и дяди Вити жизнь уже не казалась такой тоскливой. Папа приезжал в Москву из суровой Уральской деревни, но неотесанность далекого Урала казалась благородной интеллигентной простотой по сравнению с якобы великосветскими столичными нравами. Но как мы попали в Москву? Какая неведомая сила так надолго задержала нас в этом огромном городе?

Большое участие в моем воспитании принимала бабушка – Смольникова Раиса Николаевна. Она нянчила меня с пелёнок. В советские времена не принято было подолгу засиживаться в декретном отпуске. Никто насильно на работу не гнал, но таков был менталитет советских

граждан, и такова была политика партии, что долго ухаживать за ребенком считалось сродни тунеядству. Пособий не платили, и хочешь – не хочешь, а на работу выйдешь.

Мама, едва мне исполнилось четыре месяца, вверила воспитание и уход за мной бабе Рае – своей матери. Бабушка сама воспитала четырех детей, одна, без мужа. Всю жизнь работала на животноводческой ферме и, когда пришла пора нянчить внуков, её здоровье оказалось сильно подорвано астмой, заработанной на уральских морозах и в неустроенном советском быту. Бабушке оформили инвалидность, но она продолжала работать ветеринаром.

Бабушка Рая представляла собой типичную русскую женщину рабоче-крестьянского класса: ловко управляла лошадьми, таскала тяжеленные бочонки и отпугивала волков, которые всю ночь завывали под стенами животноводческой фермы. Начальник бабули брал ружьё и приказывал ей шагать впереди, чтобы определить местонахождение зверя. Маленькая хрупкая женщина шла и старалась не бояться, иначе засмеют. Она, как многие советские женщины, стремилась не отлынивать от тяжелой работы и не казаться слабой. Она трудилась много, усердно, без выходных. Её дети жили в землянке и были предоставлены сами себе. Старшие следили за младшими, а самых маленьких, чтобы те не залезли, куда не надо, привязывали к ножке железной кровати. Привязывали и мою маму, самую младшую.

Отец, безусловно, у детей был, звали его Афанасьев Семен Семенович, но он с молодой супругой развелся быстро, когда дети были еще совсем маленькими, и поселился в благоустроенной комфортабельной квартире в закрытом военном городе. Детей навещал изредка и выделял самую младшую – Галю. Покупал ей разные сладости и строго велел со старшими не делиться. А дети по-прежнему жили в землянке. Бабушка Рая люто ненавидела деда Семёна и предпочитала его не подпускать к детям и дому. Дед Семен Семенович, по натуре властный хозяин, директорствовал в совхозе Заря и слыл вполне уважаемым человеком. Наполовину киргиз, Семен Семенович взял бабушку в жёны из многодетной семьи. Она была младше его на двадцать три года. Примечательно, что бабушка стала его третьей женой – не только по счёту, но и в семейной иерархии. Иногда дед ездил ко второй жене, а иной раз и Раису к ней привозил. Женщины пели песни, что-то стряпали и по-своему дружили. Скорее всего, их объединяла не столько любовь к полигамному диктатору-мужу, сколько презрение и общая обида на него.

Была у моей бабули-крестьянки одна примечательная особенность – она страстно любила читать. Поздним вечером возвращается домой, в пять утра выезжает, но книгу перед сном обязательно почитает. Отсюда, наверное, её тяга рассказывать разные лесные сказки про медведей, лис и волков. Сказки всегда начинались одинаково: про деда и бабку, живущих в лесу, и про медведя, который почему-то всё время стоял под огромной лесиной. В этом месте бабушка постоянно засыпала, и оставалось неизвестно, почему медведь стоял под лесиной и чем дело кончилось.

Свои рассказы баба Рая не придумывала, а заимствовала из историй жизни глухих Уральских деревень. Дикая звери часто встречались на тропинках возле жилищ человека. Медведь, дремлющий в спелом малиннике, перебегающие дорогу косули, лиса, которая тащит пойманного зайца, волки, крадущие овец прямо со двора – всё это было обычным явлением для здешнего народа.

Как-то зимой волки загрызли сельскую учительницу. Она возвращалась домой со школы одна. Идти надо было через поле. В поле ни деревца. Вдруг, откуда ни возьмись – стая волков. Учительница разожгла костер из собственных вещей и тетрадок учеников. Костер быстро догорал, а жечь было уже нечего. Дрожащей рукой женщина написала своим близким коротенькое письмецо, где поведала о случившемся. Записку спрятала в валенок и стала надеяться на чудо. Но чуда не произошло. На следующий день жители близлежащей деревни нашли обглоданные человеческие кости и коротенькую записку, выпавшую из промёрзлого валенка. Бабушка подобных историй знала несметное число. Например, про мужика, которого стали нагонять

волки. Тот на санях через горный перевал домой возвращался. Лошадь понесла. Мужик бросил поводья, вцепился в короб покрепче и стал молиться. Собачонка, бежавшая за санями, начала отставать и ценою собственной жизни спасла хозяина. Волки накинулись на нее, а лошадь, тем временем, вынесла мужика на проселочную дорогу и въехала в деревню.

Однажды бабушка принесла откуда-то тонкого стекла колбу с высоким изящным горлышком. Очень она мне приглянулась. Я выпросила у бабушки этот волшебный сосуд, в котором точно должен был жить тот самый джин из сказки об Аладдине – уж так я любила слушать эту сказку из её уст! Мы принесли сосуд с воображаемым джином домой. А вечером моя старшая сестра Наташа решила устроить красочное представление с наливанием воды в колбу. Она повесила емкость на смеситель водопроводного крана и открыла вентиль, оставив данное сооружение на волю гравитации. Внизу чаша чугунного ручкомойника. Наташа крикнула мне:

– Юль, скорее, секретик!

Мне было четыре года, но этот вечер я очень хорошо помню. Я со всех ног помчалась посмотреть на этот секретик и, когда добежала, сосуд, отяжелевший от воды, сорвался со смесителя и через мгновение грохнулся в раковину. Расстояние от крана до раковины большое, потому колба буквально взорвалась фейерверком мелких острых стёклышек. Одно стеклышко угодило мне прямо в глаз. Я зажмурилась и закричала, что есть мочи.

Что потом происходило, помню смутно. Помню тесное платье и тетю Надю, безуспешно пытающуюся протолкнуть мою голову через узкую горловину. Суeta невероятная! Вызов кареты скорой помощи, и, конечно, люди, люди, люди! Потом поездка в больницу, добрая тётенька-доктор рассказывает о зайках и белочках, живущих вот в этих лесах. Озадаченные лица людей в белых халатах. Меня кладут на каталку, от укола сильно тошнит и страшная боль во всем теле. Потом долгая операция и мухи с комарами, тучами вылетающие из прикроватного светильника. Я поспешно вскакиваю и пронзительно визжу. Бегу без разбора по комнате, натыкаясь на железные душки высоких панцирных кроватей. Чьи-то руки хватают меня, и шершавая ладонь затыкает мне рот. Но, как назло, живность продолжает атаковать: из-под кровати выскакивают лягушки. К полчищу лягушек присоединяются комары. Комары тоненько пищат и жалят, жалят, жалят в руки, лицо. Щекочут жесткими крыльшками по рукам, по спине. Я отчаянно отмахиваюсь и закрываюсь, но всё бесполезно. Конечно же, никто не видит того, что вижу я. Но я вижу живность так отчетливо и ясно, что не в силах сдержать крики ужаса. Потом доктор скажет, что это всего лишь галлюцинации, вызванные медицинскими препаратами.

В долгие часы тягучей больничной жизни смотрю не заклеенным глазом в окно. Я жду родителей, но они придут лишь вечером. Вот начнет темнеть, и они приедут. Когда приходит время им уезжать, я реву во весь голос. Чужие тётки меня увещевают, говорят, что обязательно ослепну, если буду так реветь. Но мне всего четыре года, и я в первый раз оторвана от родителей, от дома и привычной для меня обстановки. Что такое слепота, я, конечно, ещё понятия не имею. Мной владеет жгучее желание – просто оказаться дома. Я хочу домой! Ну почему меня не понимают взрослые? Какая мне разница, ослепну я или нет?! Домой, домой, домой! Я вообще не представляю себе, как это – не видеть! Разве можно не видеть солнце, людей, себя в зеркале? Как жизнь может быть без красок, в полной темноте? Нет, так не бывает!

Однако я скоро пойму, что так тоже бывает, а ещё, начну учиться жить по принципу «надо»!..

## Глава 2. Неизбежность

Сразу же после травмы начался сильнейший воспалительный процесс, который почти мгновенно перекинулся на второй, здоровый глаз. На медицинском языке это называется «симпатическое воспаление на фоне сниженного иммунитета». Интенсивная терапия ожидаемого эффекта не давала. Ослабевший организм не справлялся с набирающим мощь воспалительным процессом. Между тем, зрение стремительно ухудшалось. Глаза постоянно красные, режущие боли от яркого света.

Нас с бабушкой Раей отвезли в Челябинскую областную больницу и положили на шесть месяцев. Полгода без выхода на свежий воздух. В больнице – вечный карантин. К нам не пускали и нас не выпускали. В больницу мы попали зимой, а выписывались жарким июнем. Помню, как в шубах ехали с бабушкой на вокзал. Над нами хохотали прохожие и крутили пальцем у виска. Я не понимала смысла этого жеста и обезьянничала, повторяя его за насмешниками.

Я вообще любила наблюдать за людьми и копировать их жесты, движения и выражения лица. Потом перед зеркалом изображала приглянувшуюся жертву. Особенно нравилось изображать танцующие пары, как он и она смотрят друг на друга и кокетничают. Жесты копировала так точно, что взрослые безудержно хохотали и просили повторить на бис. В больнице меня знали как веселую мартышку; часто угощали конфетами и другими сладостями. Я порой подолгу сидела на подоконнике палаты и внимательно вглядывалась в лица и походку людей. Обнаружив особенно колоритный экземпляр, соскакивала и начинала его пародировать, расхаживая по палате точно так же, как «вон тот толстый важный дядечка или девушка, виляющая бедрами».

Однажды произошел примечательный случай. Палата, где мы с бабушкой лежали, находилась в цокольном этаже. Когда нас госпитализировали, сразу предупредили, что дети здесь лежат одни, поэтому, если имеется желание или необходимость присутствия с ребёнком родственника, последний должен выполнять трудовую функцию. Бабушке предложили помогать кастелянше – стирать, сушить и гладить постельное бельё больных: да не просто помогать, а брать на себя добрую половину обязанностей кастелянши.

– Если согласны, селитесь в комнату по соседству с прачечной, до процедурных кабинетов и врачей как-нибудь доберетесь, ничего страшного, а вот помощница кастелянши должна всегда находиться около своего трудового поста, – объяснили бабушке Рае.

Вот так, из-за близости к прачечной мы оказались в палате полуподвального помещения. В подвале было скучно, уныло и малоллюдно. Телевизор находился в холе второго этажа. Подниматься в холл можно было только тогда, когда бабушка заканчивала работу, и все основные процедуры были пройдены. Вечерами взрослые смотрели новостную программу «Время», а дети играли, обменивались игрушками, рисовали, резвились.

В один из таких вечеров к нам присоединился странный мужчина. Я не помню его лица и возраста, но очень хорошо помню, что он только притворялся, будто смотрит телевизор, а на самом деле наблюдал за детьми.

Потом он подошел ко мне и стал уговаривать спуститься с ним вниз. Он говорил, что покажет котеночка, живущего в подвале. Я очень заинтересовалась перспективой погладить пушистого зверька и отправилась звать с собой бабушку.

– Нет, нет, малышка, бабушку звать не нужно! Мы только посмотрим на котеночка, и я приведу тебя сюда.

– А как же мои друзья? Давайте их тоже возьмем! И бабушку возьмем, – не унималась я.

Мужчина потянул меня за руку. Бабушка заметила это и подошла к нам. Мужчина назвал себя здешним больным, даже указал палату, где якобы лежит, и сказал, будто хочет уго-

стить такого замечательного веселого ребенка. Мужчина успокаивающе улыбался и называл бабушку матерью:

- Не беспокойся, мать! Ну не съем же я твою внучку. Дам ей пару конфет и приведу назад.
- А как же котенок?! – закричала я.

Бабушка начала требовать от мужчины объяснений: откуда в больнице кошки и откуда сам он взялся. Нами заинтересовались другие взрослые, и загадочный гость поспешил удалиться.

Взрослые пошли в палату проверить, есть ли там такой человек, но оказалось, что его никто не знает. Подняли панику, и выяснилось, что такого пациента вообще в отделении нет!

Наутро бабушка пошла к главному врачу и рассказала о вечернем происшествии. Врач провел собственное расследование, но оно не дало никаких результатов. Так и осталось загадкой, кто это был, и как этот человек оказался в нашей больнице.

Когда через шесть месяцев нас выписали, бабушка была рада тому, что больничное заточение, наконец, осталось в прошлом, но временами принималась плакать, ведь я уже не могла с десяти шагов определить, сколько пальцев она показывает.

С пометкой «экстренно» я с родителями приехала в Москву в лучший офтальмологический институт страны – в Институт имени Гельмгольца. Мне требовалась срочная операция, чтобы остановить быстрое снижение зрения на обоих глазах.

В регистратуре пожилая женщина сказала:

– Приезжайте через месяц, мест в больнице нет, а к врачам очередь такая, что вам и не снилось!

– Как это, через месяц? – хором вскричали родители. – Вы, наверное, нас не поняли! Вот направление с пометкой «экстренно».

– Ну и что? – невозмутимо парировала женщина из окошечка регистратуры. – Думаете, вы одни такие? Кроме вас, таких безочередников еще сорок три человека. Сказано, через месяц! Отойдите от окна, не мешайте работать!

– Женщина, пожалуйста, войдите в наше положение, – взмолились родители, – девочка слепнет, а мы сами издалека, с Урала мы.

– Ой, нашли, чем удивить! – фыркнула регистратор. – У нас дети со всего союза лечатся. Даже из заграницы приезжают, а вы «с Ура-а-ала»! А ну-ка, отошли от окошка! Кому сказано?!

Мы еще долго стояли, раздумывая, что делать дальше. Надо было попасть к главному врачу или, в крайнем случае, в министерство здравоохранения. Тут к окошечку подошла семья из солнечной Грузии, и отец семейство грохнул на стойку регистратуры внушительных размеров сумку чего-то звящего. Регистратор с любопытством заглянула внутрь и довольно улыбнулась.

– Сейчас всё сделаем, – ласково промурлыкала женщина.

Вся её грубость и деланая принципиальность вдруг куда-то подевалась, да и очередь в сорок три человека растворилась в крепких грузинских коньяках. Так мы начали понимать, что без подарков и подношений не стоит подходить к людям, наделённым даже малейшей властью.

Потом мы с мамой возили целые сумки с презентами и раздавали их направо и налево. Вопросы, с которыми мы обращались, непосредственно входили в компетенцию этих людей, но без хорошего подарка у них даже мысли не возникало выполнять свою работу. Рта порой не раскрывали, если перед ними не появлялся сверток. А некоторые разворачивали бумагу или открывали сумку и, если подношения не нравились, тоже не желали приступать к своим обязанностям. Мама старалась привозить только дефицитные товары.

В тот злополучный день родители, пораскинув мозгами, вознамерились брать штурмом главного врача. Тот их внимательно выслушал, ознакомился с документами и принял решение госпитализировать, но только меня, без мамы.

Меня отвели в большую душную палату с кучей кричащих, ползающих, лежащих в повязках детей. Некоторые были крепко привязаны к кроватям. Пахло испражнениями, сухими смесями и потом. С некоторыми детишками лежали мамы. Я залилась долгими, безутешными слезами:

– Ну почему они с мамой, а я одна?

Ко мне никто не подходил, никто меня не успокаивал. Потом в палату влетела разъяренная медсестра и закричала, что есть мочи:

– Ты заткнешься или нет!/? Пусть тебя забирают твои родители, нечего здесь гундеть.

Теперь я плакала еще горше, но слёзы скрывала, опасаясь нападков злой медсестры. Я забилась в угол между тумбочкой и кроватью. Мне хотелось раствориться и перестать воспринимать окружающее. Позже это чувство часто будет посещать меня, особенно в минуты горя и отчаяния.

Доктора и другие работники больницы были людьми равнодушными и делали свою работу молча, даже не глядя на нас без необходимости. Так, доктор посмотрит меня на аппарате и что-то пишет, пишет, пишет, а потом как рявкнет:

– Шагом марш в палату!

Мне прописали уколы: два под нижние веки, два прямо в глазное яблоко. Боль адская! После подобных испытаний уколы внутривенно и внутримышечно казались безобидными комариными укусами. От уколов я никогда не плакала. Разумеется, было очень больно, но ведь всё равно никто не пожалеет, наоборот, начнут кричать. Однажды, стоя в очереди, я наблюдала такую картину: ребенок визжит, вырывается, а взрослые еще громче кричат и привязывают его к стулу. Я стойко сносила все процедуры, и вскоре меня начали ставить в пример другим детям.

Однако я не переставала реветь, сучая по родителям. Друзей не заводила, да и сами ребята не хотели играть с угрюмой, вечно плачущей девочкой. Я часами сидела на своей кровати, есть отказывалась и всё ждала, когда за мной придут мама с папой. Родителей в больницу не пускали: вечный карантин. Около двери в отделение сидела очень пожилая женщина и за деньги открывала окошечко, через которое родственники могли пообщаться со своими чадами.

– Бабушка, пожалуйста, разрешите нам посмотреть на своего ребенка. У нас девочка, ей пять лет. Она в двенадцатой палате, зовут Юля. Мы только взглянем на нее и уйдём! Очень Вас просим, бабушка! Нам убедиться надо, что у нее всё хорошо.

На отца, успевшего за десять секунд выдать длинную тираду просительных слов, смотрели грозные глаза возмущенной женщины:

– Молодой человек, бабушка у вас дома в деревне осталась, а я для Вас – уважаемая Серафима Ивановна. Я ясно выражаюсь, молодой человек? Прошу любить и жаловать. Ребенка звать не буду. А за рублик окошечко открыть могу, чтобы вы, молодые люди, самолично убедились, что здесь не концлагерь.

Момент выписки я почти не помню. Знаю только, что выписали сильно располневшего, психологически сломленного ребенка. Для борьбы с воспалительным процессом мне назначили сильнодействующие медицинские препараты, один из которых сказывался на гормонах. После приема этих препаратов у меня разыгрывался зверский аппетит, и я сметала всё, что стояло на столе или было не доедено другими детьми.

Домой я вернулась, будучи раза в четыре крупнее своих сверстников. Давние друзья теперь показывали меня своим товарищам, как нечто диковинное. Бывало, придут и стоят у порога, я радостно выбегаю им навстречу, а они подивятся ребенком-тумбочкой, расспросят про красные глаза, про синяки и с визгом уносятся проч. Я стала постепенно осознавать, что между мною и этими ребятами встала стена – стена безжалостной и бескомпромиссной реальности.

Но я всё же искала компромиссы и начала заново завоевывать внимание прежних друзей. Да, теперь я другая, очень повзрослевшая за последний год, но в душе я всё та же пятилетняя девочка Юля. «Пожалуйста, ребята, дружите со мной, не убегайте от меня. Заходите за мной и не отказывайтесь от меня, когда я захожу за вами. Я принесла вам конфет, пряников и отличное настроение», – молила я.

Но в подвижные игры мне играть было нельзя, да и я, полуслепая, уже мало интересовала ребят. Они убегут далеко вперед, а я шуюсь, высматривая знакомые силуэты.

Постепенно подруг и друзей мне стали заменять двоюродные сёстры: Оля Ахтарьянова, Лена, Наташа Головина и брат Максимка. Они водили меня за руку и слушали строгие наказания взрослых. Относились ко мне со всей ответственностью и бережностью. Особенно близкой мне стала Наташа Головина – добрая, веселая девчонка. Она старше меня на пару лет. Мы с ней понимали друг друга с полуслова. Она брала меня с собой на речку, на футбольное поле, в магазин и вообще, таскала меня повсюду, куда ходила сама. Я возвращаюсь из очередной поездки на лечение, а она уже тут как тут; стоит, улыбается:

– Привет, Юль. Хорошо, что приехала. Пойдем гулять.

В силу семейных обстоятельств она рано повзрослела. У неё был грубый и нелюдิมый отчим. Наташа, словно золушка, вечно в заботах и хлопотах, но для меня всегда находила время и обращалась со мной, как с равной. Мне нравилось, что она относится ко мне без покровительственного снисхождения. Другие ребята поиграют со мной чуть-чуть, скажут взрослым, что выполнили задание, и бегут играть со здоровыми, «нормальными» детьми. А Наташа Головина всегда рядом. Бывало, скажет:

– Пошли вместе корову со стада встречать, мамка сказала, еще подоить, и огород заскочим полем! Пошли, поможешь или просто рядом постоишь.

Родная сестра, наоборот, стала моей главной соперницей. Она сильно ревновала родителей ко мне и злилась на меня за то, что я сделалась центром их внимания и заботы. В то время все мысли их были сосредоточены на том, как собрать денег для очередной поездки в Москву, какими народными средствами можно прекратить воспалительный процесс и укрепить иммунитет больного ребенка. Они расспрашивали местных знахарей-травников, какими растениями, кореньями, цветками можно меня вылечить. Отовсюду к нам в дом прибывали настойки из корня лопуха, женьшеня, девятысила и многое-многое другое. Я всё это пила, ела, грызла и плакала. Отвары оказывались ужасно горькими, пить их невыносимо, но мама с папой были непреклонны. Мама по своим каналам доставала красную и черную икру. Родственники несли в дом свежие овощи, фрукты, ягоды и очередную целебную травку. То, что повкуснее, я щедро раздавала ребятам. Отовсюду ко мне тянулись грязные детские ручонки:

– И мне, и мне, и мне дай, Юль!

Горькие отвары кореньев я принимала в одиночестве. Желających ими угоститься не находилось, а вот группа поддержки всегда была рядом.

– Давай еще не много! Ну чего сморщилась? Давай пей, кому говорят!

Дома мы жили от поездки до поездки. Как только наберется нужная сумма, мама оформляет отпуск, и снова маршрут «Вязовая – Москва». Маршрут этот был досконально изучен. Вот мост через реку Волгу, а значит сутки спустя Москва. Вот столица Башкирии – Уфа. Ура! Почти дома.

## Глава 3. Визитеры

К нам в Москву иногда приезжали родственники. Я любила таких гостей. Люди из уральской глубинки вели себя чудаковато: всему дивились и бурно обсуждали увиденное. Родители водили их по ВДНХ, ботаническому саду, парку Горького, Чистым прудам и, конечно, по Арбату.

– Пойдемте, мир посмотрите, – говорила мама, и мы шли, заранее предвкушая реакцию родственников на столичный колорит. Они, открыв рты, таращились на людей с ирокезами, в кожаных куртках с шипами, на курящих женщин в шортах или мини платьях. Всё было им в диковинку.

– Надо же! Здесь народ живет без оглядки на окружающих. Бесстыже обнимаются на глазах у всех, целуются даже пожилые пары, любовно держатся за ручки. У нас в деревне такого не увидишь!

А дядя Витя с тетей Люсей ходили на выставку домашних животных и восторгались разнообразными породами свиней, коров, лошадей и прочего крупного и мелкого рогатого и комолого скота. Тетя Света любила эскимо, лакомку, пломбир и потребляла его без меры, не пропуская ни одного киоска со сливочным удовольствием.

Как-то я, измотанная бесконечными переходами от одной достопримечательности к другой, заснула прямо на скамейке в парке. Веселой компании было не вмоготу сидеть, ожидая моего пробуждения, и взрослые решили продолжить путь. Они, обливаясь потом, тащили меня поочередно на руках. К тому времени я уже набрала вес из-за гормональной терапии и была довольно крупным ребенком. В какой-то момент я проснулась, но прикидывалась спящей – перспектива топтать по жаре не радовала, ноги гудели, я устала невероятно. Так я «проехала» порядочное расстояние, но был еще только полдень – жара спадёт не скоро, ходить еще да ходить, и я продолжала хитрить, пока на одном из привалов тетя Света не обнаружила заветный ларек с мороженым.

– Вам какого мороженого купить?

Все заказали пломбир. Позвякивание монеток, которые отсчитывала тетя, удалялось всё дальше. Я забеспокоилась, что единственная останусь без пломбира, приоткрыла глаза, увидела удаляющийся тётин силуэт, и, выдавая себя с потрохами, закричала во весь дух:

– И мне! И мне, пожалуйста, пломбир!

Как-то в воскресный день папа повел приехавших родственников в любимый нами парк имени Горького. С нами был мамин свояк дядя Витя, обутый в зеленые резиновые сапоги, выданные ему завхозом для работы на конюшне. Но для конюшни они были слишком хороши, поэтому дядя Витя их берёт для особых случаев. А тут Москва – столица Родины, вот и были вынуты из загашника ярко-зелёные, лоснящиеся на солнце резиновые сапоги, как раз подходящие для визита в первопрестольную.

Папа весело нам подмигнул:

– Подождите меня здесь. Мороженое пока поешьте, а я за билетами стоняю. Витьку на страшном аттракционе прокатить хочу.

Отстояв длинную очередь в билетные кассы, папа гордо вернулся с развивающейся на ветру лентой билетов. Все билеты были куплены на один аттракцион, прокатиться на котором желающих как-то не находилось, но приближался вечер, и другие аттракционы уже закрывались. Папа, за неимением ничего лучшего, купил билеты на поездку в карете, аж целых пять кругов. Папа улыбался во весь рот, многозначительным жестом указывая дяде Вите на тройку гнедых:

– Вить, иди, прокатись на здешних лошадаках.

Дяде Вите, конюху, катание на лошадях было более чем привычно. А тут Москва, и снова лошади! Дядя Витя насупился, но взял билеты из папиных рук и пошел усаживаться в карету, где угрюмо наблюдал до боли знакомую картину: хвосты и потные крупы лошадей. Время от времени он поглядывал на длинную ленту билетов, потом снова на мерно раскачивающиеся зады лошадок, и понимал, что такая картина будет еще несколько кругов. Вот уже третий круг, и снова легендарные зелёные сапоги, поблескивая на солнце, показались из-за поворота. На четвертом круге дядя Витя не выдержал и прямо на ходу выпрыгнул из кареты, молодецки вскинув ноги. Лошадки одиноко продолжили свой путь по кругу.

Однажды в Москве по кругу путешествовала и супруга дяди Вити – тетя Люся. Ей нужно было проехать от станции Курская до станции Фрунзенская, сделав пересадку со станции Арбатская Арбатско-Покровской линии на станцию Библиотека имени Ленина Кировско-Фрунзенской линии и продолжить свой путь. Она пересаживалась с одной электрички на другую, не делая никакого перехода, прямо на той же платформе. И вот, снова льется из динамиков:

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция Курская, переход на кольцевую линию.

Тетя Люся выходила, пересаживалась на электричку в другую сторону и опять слышала:

– Осторожно, двери закрываются! Станция Арбатская, переход на станции Библиотека имени Ленина, Калининская, Боровицкая.

Так она полдня каталась в метро. Разумеется, люди объясняли, как перейти, правда, каждый уверенно указывал в противоположные стороны. Тетя Люся, вконец отчаявшись, громко ревела под сводчатыми потолками московского метрополитена. У нее было только одно желание – вырваться из этого замкнутого круга: «Станция Арбатская – станция Курская». Самое время вспомнить дядю Витю и то, с какой легкостью он разорвал круг своего путешествия, легко и грациозно выпрыгнув из кареты с запряженной тройкой опостылевших лошадей.

У меня довольно много воспоминаний, связанных с гостиничным сервисом перестроенной Столицы. Заселиться в гостиницу было для нас большой проблемой.

– Мест нет, – вот всегдашний ответ администраторов в то время.

Свободный номер мог появиться лишь через несколько дней. Загодя мы ничего не бронировали, так как в резерве мест всё равно не было. Наш поезд прибывал рано утром, и мы сразу начинали штурмовать гостиницы. Ответ везде один:

– Мест нет и не будет. Всё занято или забронировано.

Мама выбирала одну из таких гостиниц, и крепость бралась осадой. Мы сидели на ступеньках или на собственных чемоданах и ждали: ждали, когда кто-нибудь съедет и освободит номер. Я даже в туалет не просилась. Позиция мамы была строгой: если уйдем, выезжающие прошмыгнут, и кто-то другой вперед пролезет.

Часто до самого вечера никто так и не выезжал, а желающих заселиться становилось всё больше. Ожидющие знакомились, обменивались адресами и угощали друг друга пирожками, булочками, конфетами. Узнав, что мест нет, новички в деле «штурма» гостиниц уходили. В других гостиницах им отвечали столь же категоричным отказом, а места доставались ветеранам ожидания – тем, кто перед неумолимым взором администраторов мелькал давно и надоел пуще горькой редьки:

– Всё едут и едут! И чего вам дома не сидится?

Права качать было бесполезно. От воли гостиничных властительниц зависело, где мы будем сегодня ночевать.

Ночевать на Казанском вокзале до ужаса не хотелось, но иногда всё равно приходилось. Я спала под скамейками на кожаном чемодане, который мама купила как раз на такой случай. Устав за день, я залезла под грязную вокзальную скамейку и засыпала без задних ног. Мама

спала сидя или вовсе не спала. По вокзалу прохаживались сотрудники и зычным голосом без конца повторяли:

– Не спать! Не спать! Не спать! Граждане пассажиры, не спать!

Но чаще под вечер нам всё же выделяли комнату, и мамина походка принимала величественный и горделивый вид: крепость взята – особенно если нас селили в комнату на двоих. Но двухместный номер считался почти люксом, чаще нам доставался муравейник с удобствами на этаже. Купленные в магазине продукты съедались прямо в номере. Столовые были, но они рано закрывались, и мы, вернувшись вечером из больницы, туда не успевали.

Помню гостиницу, где удобства, включая душ, находились в цокольном этаже, в помещении прачечной, и мы всем этажом стояли в очереди в эту прачечную. То был вовсе не душ в привычном понимании – просто наскоро врезанный в систему водоснабжения вентиль со шлангом. Мама поливала меня прямо из шланга, а я кричала:

– Ура! Вот это приключение. Мама, здорово, да?!

Мама морщилась в ответ на мои восторженные восклицания и сердилась.

Удивительно, но, вопреки нашим ожиданиям, гостиницы наполовину пустовали. Где те, кто бронировал комнаты, непонятно. Даже самих постояльцев видно не было. Мы месяцами жили в пустующих гостиницах, и с искренним сочувствием смотрели на горемык, ожидающих свободных мест в вестибюле.

Однажды к нам в гостиничный номер поселили женщину с маленьким мальчиком. Она приехала в Москву из Еревана к душевнобольному мужу, который лечился в одной из Московских клиник. Она каждый день ездила к нему, как на работу. Покупала целые сумки съестного, брала сына и отправлялась в психиатрическую клинику. Мама очень сочувствовала этой женщине и восхищалась ею.

– Отдохни, Нона, хотя бы один денек! Сходи с Аликом погулять, развейся, а продукты я сама унесу в больницу. У нас как раз сегодня нет никаких процедур.

Мама рассказывала, что была потрясена условиями, в которых содержались душевнобольные. Серое здание, окруженное высоким частоколом, и длинные-предлинные коридоры. Её вели мимо лохматых, бородатых людей в грязных пижамах. Кто-то просто бесцельно слонялся. Кто-то бегал без штанов, спустив до колен трусы, а один мужчина душераздирающе вопил, как животное. От этой гнетущей картины благородный позыв моей мамы быстро улетучился:

– Господи, ну зачем я здесь? Ведь сама напросилась! Поскорее бы ноги унести отсюда! Женщина, Вы куда меня ведете? Может я сумку отдам, а сама пойду?

Однако, сопровождавшая маму медсестра даже не обернулась. Мама оглянулась и поняла, что сама не выберется из лабиринта больничных коридоров. Да и что она скажет этой измученной уставшей женщине, если сейчас сбежит?

Вот они поднялись на второй этаж и подошли к палате. Медсестра указала на высокого полного черноволосого армянина. Мужчина лет тридцати пяти сидел на кровати, раскачиваясь вперед-назад. Медсестра указала ему на сетку и торчащую из неё колбасу. Глаза больного ничего не выражали. Длинные волосы спутались, а смуглое лицо было бледным. Мама зашла в палату и принялась доставать продукты из сетки: хлеб, колбасу, огурец, помидоры... Она делала бутерброды и протягивала мужчине. Тот ожил и стал один за другим поглощать куски с возвышающимися пирамидами из колбасы и овощей. Словно замороженная, мама наблюдала, как он со зверским аппетитом ест.

Вдруг с соседней кровати встал невысокий кудрявый человек и подошёл к ней. На маму смотрели живые, умные глаза. Лицо мужчины было очень худым, а взгляд просительным. Поняв, что мама обратила на него внимание, мужчина заговорил, отвернувшись в сторону и почти не шевеля губами:

– Здравствуйте! Я здешний больной. Я здесь не по своей воле, понимаете? Я бывший работник КГБ. У меня из родных только мать. Я провинился перед властью, и вот, видите, уже несколько месяцев здесь, и не верю, что когда-нибудь выберусь отсюда. Меня колот сильнодействующими веществами, это у нас в КГБ называется карательной медициной. Я постоянно сплю, и, наверное, меня залечат. Залечат от несуществующей болезни. Милая женщина, Вы сами, наверное, мать и должны понять мою мамочку. Очень прошу Вас, напишите ей и скажите, что видели меня, и что я не сумасшедший. Я совершенно здоров, но психологически сломлен. Пусть она знает, что ее сын не преступник и ни в чём не виноват, а самое главное – не сумасшедший. А чтобы она Вам поверила, разрешите, я напишу ей письмо, а Вы отправите его по указанному адресу. Только, пожалуйста, никому, никому не показывайте его. Очень Вас прошу, помогите мне!

Пока душевнобольной отец семейства с непомерным аппетитом поглощал содержимое сумки, мужчина с соседней кровати быстро набрасывал в блокноте моей мамы ровным красивым почерком послание своей матери. Мама, конечно, отправила письмо по указанному адресу. Однако еще долго переживала увиденное и всерьез опасалась, как бы её саму не упекли за пособничество опальному КГБисту.

## Глава 4. Флагманы российской офтальмологии

Вскоре наша семья пережила шок. Дело в том, что моя вконец угнетенная иммунная система настораживала докторов всё сильнее. Воспалительный процесс тоже делал свое дело – я неуклонно слепла. Один глаз уже ничего не видел.

– Ну, спасите зрение хотя бы на втором! – плакала мама.

Она сильно нервничала по любому поводу, часто бегала на переговорный пункт. Почти постоянно ворчала и дергала меня, как будто я была в чём-то виновата. Меня уже лечили в двух институтах, в том числе, в иммунологическом. В меня вливали, капали, вкалывали, втыкали электрофорезные проводки; два института проводили интенсивную терапию, но всё тщетно.

Видимо, в какой-то момент наступила передозировка, и мой мозг стал отключаться – прямо посреди дороги я начинала бредить. Ноги шли, но движения были беспорядочными. Я переставала понимать происходящее и не узнавала маму, потом останавливалась и ложилась на дорогу. Мама брала меня на руки, садилась, куда придется, и укачивала меня, словно младенца. Но ноги мои продолжали идти, а руки хаотично двигались. Мама приносила меня в гостиницу или съемную квартиру и с трудом укладывала в постель. Она отчаянно рыдала и буквально рвала на себе волосы. Мама боялась, что я потеряла рассудок, а лишиться рассудка – самая страшная беда!

– Мало того, что слепая, так ещё и безумная... А если проснется, а рассудок к ней так и не вернется? – горестно размышляла мама.

Но ее опасения были напрасны. Я просыпалась утром и вела себя как обычно. Правда, того, что было накануне, абсолютно не помнила. Мне казалось, будто я крепко спала. Меня долго спрашивали врачи и мама, но тщетно, я ничего не помнила.

Родители приняли решение сменить больницу и обратились в офтальмологическую клинику Ленинграда. Мы переехали в Ленинград и жили на квартире у очень добрых и душевных людей. Они делили с нами комнатуху в коммунальной квартире и свой незатейливый быт. В Ленинграде нам посоветовали операцию, предполагающую вмешательство в головной мозг. Почти полностью атрофированный зрительный нерв можно было заставить работать, но лишь посредством этого вмешательства. Спасибо маме, она отказалась, и мы поехали в Башкортостан, в клинику Мулдашева. Меня поставили на учет, и я долгие 12 лет наблюдалась у специалистов этой больницы, где на мне перепробовали многие новейшие технологии по восстановлению зрения.

Институт Мулдашева славился уникальными операциями и специалистами мирового уровня. Там нам сказали, что время упущено:

– Вот если бы сразу к нам, но попытаться всё же стоит.

Меня снова положили в больницу, где было лишь несколько битком набитых палат и множество кабинетов. Мест в палатах вечно не хватало, и многие лежали в коридорах на диванах. Больные после операций под капельницей в коридоре. Мимо капельниц сновали пациенты с заклеенными глазами и нередко сталкивали штативы.

Персонал в клинике был доброжелательный и веселый. В палатах и туалетах бегали тараканы, а душ временами не работал. Но мне в этой клинике всё равно нравилось больше, чем в других. Тараканы и антисанитария наблюдалась и в московской клинике, потому я была привычна к таким условиям. А вот одиночество я переживала с трудом. И, если меня клали одну, без родителей, я целыми днями редела, тоскуя по дому. Подруги были, но с другими ребятами я сходилась очень тяжело: угнетенная обстановкой и разлукой, никак не могла переключиться и принять положение дел.

Помню девушку Аллу. Она после автомобильной катастрофы полностью потеряла зрение, но на удивление не утратила присутствие духа. Ее привезли после операции и уложили

на соседнюю кровать. Вечером она попросила поесть, и я вытряхнула всё, что было у меня в тумбочке. Меня тут же отругали, ведь после операции нельзя столько есть, но мы с Аллой только хихикали, и я совала ей в рот очередную конфетку. Она здорово скрасила моё пребывание в больнице! Я учила ее ориентироваться в коридоре, провожала в процедурный кабинет и учила перемещаться с чашками супа. Разница в возрасте огромная, однако, мы с ней как две закадычные подружки гуляли, общались, и я всё слушала и слушала ее истории про жениха, про аварию и про друзей, которые после случившегося сразу куда-то подевались. Удивительно, но Алла не унывала и говорила мне:

– Юлька, ты меня с дяденькой каким-нибудь бы познакомила, а? Боишься? А чего ты боишься? Знакомиться же буду я, а ты моя младшая сестренка. Юлька, учись нравиться мужчинам. В любом состоянии будь ухоженной и красивой. Мы с тобой дадим жару всем! У нас столько кавалеров еще будет, и замуж выйдем, детей нарожаем. Скажи, ты-то в это веришь?

Однажды меня положили в коридоре, а напротив стоял народ в очереди на прием к докторам. Кто-то, устав стоять, присаживался ко мне на диван и начинал рассказывать о своих печалях. Господи, сколько судеб! Сколько разных историй прошло через мои уши! Так, один мужчина присел на мою кровать и спросил:

– В тебе течет голубая кровь, наверное? Вон какая статная! Кожа тонкая с голубыми прожилками!

У меня и в самом деле кожа была тонкая, но синяя не из-за «голубой крови», а от гематом после уколов и многочисленных процедур.

Одно время лежал с нами мула. Рано утром он совершал намаз, и всё отделение оглашалось его молитвой. Перед тем, как совершить молитву, мула протирал шваброй пол, потом стелил коврик и усаживался на него. Однажды ночью этот мула случайно зашел к нам в палату. Все палаты были похожи одна на другую: не удивительно, что подслеповатый священнослужитель перепутал двери. С нами в палате лежали две грузинки – тетя с племянницей. Грузинская тетушка по-своему восприняла эту ошибку и с присущим этому народу темпераментом кинулась защищать честь всех однопалатников. Она с яростью набросилась на мулу и вытолкала его за дверь. Бедный мула летел вместе с ковриком и шваброй. А грузинская тетушка нагоняла его и щедро угощала подзатыльниками.

В две тысячи седьмом году, приехав за собакой-проводником в специализированную школу, я встретила мужчину, которого тоже ждал четвероногий друг. Виктор упорно вспоминал, где он мог слышать мой голос и смех. Виктор с Сахалина, я из Челябинска, теоретически мы не должны быть знакомы. После моего рассказа про мулу из мулдашевской клиники Виктор, наконец, сообразил: оказалось, он тоже лежал в этой клинике и помнит меня пятнадцатилетней девочкой. Вот как у людей, потерявших зрение, часто оказывается схожа судьба! Многие проходят через Московскую клинику имени Гельмгольца, попадают в клинику Мулдашева и надеются на клинику Федорова. У всех схожие испытания, пути преодоления трудностей. Только все по-разному адаптируются в этих новых условиях жизни, находят свое место и призвание.

В Уфимской клинике лечились люди со всего союза, так же, как в Москве и Ленинграде. В палатах лежали по пятнадцать человек вместе с ухаживающими. Дополнительных кроватей, разумеется, не было, ухаживающие спали прямо на полу или сидя. Несколько раз со мной клали старшую сестру Наташу. Она водила меня на процедуры и очень тяготилась ролью провожатого. Но я ей искренне благодарна за помощь, ведь далеко не каждый ребенок согласится взять на себя такую ответственность.

В мулдашевской клинике меня несколько раз оперировали, а я очень боялась наркоза. Боялась опять потерять связь с реальностью и отдаться на волю докторов. После операций сильно тошнило и рвало. Потом снова восстановление и профилактическое лечение.

Как-то со мной положили папу. Мне пришлось лежать в мужской палате. Однако наша палата быстро стала самой дружной и веселой. Папа организовывал всех нас на самостоятельные концерты и различные игры.

После операции папа бережно ухаживал за мной и терпел мои капризы. За кусок хлеба и право лежать со мной он подрабатывал полумойкой, плотником, сантехником. Я боялась, что он бросит меня в больнице и сбежит, поэтому я буквально вцеплялась в него и не слезала с рук. Он носил меня на руках, каждый шаг со страшной болью отзывался в моей голове и больном прооперированном глазу.

Занималась уборкой больничных палат и мама – такие уж были времена в стране. Родственники, ухаживающие за больными, могли заслужить право находиться рядом с ними только будучи полезными персоналу больницы. Как-то в Москве маму отрядили убирать палаты иностранцев. Она общалась с ними жёсткими жестами и отмечала, что палаты иностранцев чище и уютнее, а дети веселее и раскрепощеннее, чем мы – советские.

Как-то мы поехали в столицу Чувашии – Чебоксары, в клинику Федорова. Она конкурировала с клиникой Мулдашева по числу успешных операций на глаза и количеству прозревших. Отправились мы своим ходом, в жаркое лето. Мы ехали, изнывая в душной машине, и вдруг – сильный удар по днищу. Машина потеряла управление, отказали тормоза. Мы с огромной скоростью неслись с горы, вдоль глубокого оврага. Отец – по профессии шофёр; водил большегрузы. Наверное, только благодаря его мастерству мы не погибли тогда. Оказалось, асфальт сильно вспучило, и прямо перед спуском мы налетели на этот дорожный дефект.

Потом КамАЗ на жёсткой сцепке тащил нас до ближайшей автомастерской. Автослесари согласились в долг провести сложный ремонт. Денег на ремонт у нас не было. Мало того, в мастерской не было нужных деталей, и один из автослесарей снял со своего личного автомобиля коробку передач. Тормоза отремонтировали, коробку передач заменили, и всем коллективом вышли нас провожать, всерьёз не рассчитывая, что отец когда-нибудь вернется и оплатит ремонт. Но он всё-таки вернулся, привез новую коробку передач и отблагодарил ребят деньгами. Мастера сказали, что сделали ремонт от чистого сердца, с пониманием отнеслись к нашей ситуации. Встречаются ли сейчас такие люди, не знаю, но поступок этих ребят считаю редким и очень благородным.

Между тем, мы с мамой снова летели в Москву, куда нас отправили врачи Чувашской клиники Фёдорова. Нас поразила чистота и комфорт обеих Фёдоровских клиник: скоростные лифты с окном на улицу, фонтаны во двориках и внутри, комфортабельные гостевые номера с европейскими завтраками. Мы с мамой наслаждались уютом, комфортом, стерильной чистотой и доброжелательностью докторов.

Меня снова обследовали и заключили, что полная слепота всё равно рано или поздно наступит, процесс необратимый. Современные технологии в моей ситуации пока бессильны.

– Поезжайте домой, успокойтесь и займитесь ее реабилитацией. Научите дочь достойно жить в таком состоянии. Девочка у вас коммуникабельная и умненькая. Дайте ей хорошее образование и, вот увидите, всё наладится!

Однако мама была одержима целью во что бы то ни стало вернуть мне зрение. Она снова привезла меня в Московское министерство здравоохранения и умоляла направить нас за границу – в ГДР или куда-нибудь ещё. Она отчаянно рыдала и жаловалась на наши обстоятельства всем подряд. Ей, безусловно, сочувствовали простые люди, жалели ее и сокрушались напрасным попыткам хоть что-то сделать для моего излечения, но помочь не могли. Министерство тоже оказалось бессильно. Хуже того, нас обругали за неверие в мощь советской медицины и опять выписали направление в институт имени Гельмгольца. И опять мы вернулись в Уфу, в мулдашевскую клинику, решив больше не менять докторов и полностью положившись на имеющиеся в этой больнице медицинские технологии. В офтальмологический центр Мулдашева я ездила вплоть до двухтысячного года, однако всякое лечение оказалось бесполезным.

## Глава 5. В интернате

Родители выбрали уфимскую школу-интернат для слепых и слабовидящих детей. В Челябинской области школа тоже имелась, но только в провинциальном городке Троицке. А мне, считали мама с папой, в большой город надо, и, что немаловажно, Уфа находится в ста пятидесяти километрах от дома – даже ближе, чем Челябинск; если на машине, то добираться относительно недолго.

Психолого-педагогическую комиссию я прошла с большим успехом. В какой-то момент члены комиссии стали сами отгадывать мои загадки, а их загадки с ответами я знала наизусть и, не давая договорить загадку, с первых слов узнавала её. Перебивать взрослых, конечно, невежливо, но получалось очень эффектно. Я называла отгадку и переводила разговор в нужную мне плоскость:

– Ваши загадки неинтересные, Вы лучше мои отгадайте. Мы их с бабушкой сами придумали. А Ваши загадки я давным-давно знаю, слышала по радио, и пластинки у меня с ними есть. В общем, ваши загадки мне до ужаса надоели, где Вы их только вычитали? Они же старые, и отгадки на них всем известны. А кем Вы работаете, девушки? И почему такие любопытные? Всё спрашиваете и спрашиваете?

Члены комиссии откровенно хохотали надо мной. Они попросили сравнить скатерть и листок бумаги по толщине.

– Толще скатерть, конечно. Мокрый шелк у вас, кажется? Вот у моей тети ткань еще толще – у неё скатерть льняная. А у тети Гали в Москве совсем тонюсенькая – ситцевая, кажется.

Члены комиссии после продолжительного тестирования пригласили войти обоих родителей и долго меня хвалили. Спрашивали, откуда ребенок так много знает, и удивлялись моей коммуникабельности. Родителей распирала гордость за свое чадо.

Если бы я знала тогда, что эти милые женщины определяют мою дальнейшую судьбу! Мне предстояло вскоре вылететь из семейного гнездышка и на многие годы стать обитательницей школы-интерната с его суровой действительностью и казенным жизненным укладом, к которому я так и не смогла привыкнуть. Мне до сих пор тяжело вспоминать события тех лет. Большой разницы между тюрьмой и интернатом нет: та же жесткая дисциплина, чёткий распорядок дня; все действия строго регламентированы. То ли воспитатели, то ли бездушные надзиратели – большой разницы не наблюдалось.

Безусловно, встречались среди этой казенщины нормальные люди с живыми эмоциями и добрым сердцем. Они старались приласкать своих воспитанников и строили отношения по семейному, за что им здорово доставалось от начальства. В нашей интернатской жизни популярностью пользовалось доноительство и искоренение панибратства. Панибратством называлось любое проявление ласки, нежности и сострадания. Даже за ручку с воспитателем пройти было нельзя без особой надобности. Это тоже считалось панибратским отношением к воспитанникам. Если ребенок плакал, обнять и успокоить его также строго воспрещалось. Некоторые воспитатели носили ребятам конфеты и другие подобные вкусности, ведь сладким нас баловали только под Новый год. За желание порадовать детишек сладостями сочувствующих воспитателей строго наказывали выговором и угрозой увольнения.

– Пусть дети кушают в столовых то, чем их кормят, согласно меню. Там всё выверено. Белков, жиров и углеводов достаточно. С калориями тоже всё в порядке. Не надо в стенах казенного учреждения поддерживать панибратские отношения.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.